

ДЕВСТВЕННОСТЬ

роман

Каждая новая баба хуже предыдущей
примерно в три раза.

Суперборис, продюсер

МНОГО ЛЕТ НАЗАД довелось несколько месяцев прожить с выдающейся поэтессой. Она тем не менее объяснила, что самое важное в книге прозы — два предложения: первое и последнее. Они как двустигии, передающее самую суть, как запах партнерши, позволяющий понять, возникнет ли страсть и привязанность, либо у вас случится только технический перепихон. Если связать мудрость, выданную поэтессой, с оригинальным и сомнительным высказыванием Супербориса, вынесенным в эпиграф, уже получается шаткая, но все же платформа, на которой можно выстроить камерный роман, посвященный первой любви.

Но удобнее будет начать с последней дамы, то есть с антивеличины, если пользоваться измерительным прибором Супербориса. Рутинное описание последней интрижки и будет тем развернутым биноклем, в котором дальняя первая любовь будет увидена максимально четко. Чтобы не сбивать себя и читателя с толку, естественно,

рассказчик обязуется сохранять пост, пока текст не будет дописан. Чтобы не разрывать форму, не калечить тело и не вводить новые данные. Таким образом, на ближай-шие полтора месяца наше исследование обретает подобие стерильной лаборатории, в которой не существует по-шлого сегодня, есть только вдохновляющее вчера.

Несколько дней назад вернулся с острова Сахалин. Смысл самопальной командировки был таким: прочесть стихи, продать немного книг, чтобы окупить эту поездку, попробовать переспать с какой-нибудь девчонкой (и одинаково порадоваться как успеху, так и неудаче), искупаться в холодном море, перезагрузиться и прилететь к себе во временное пристанище, Владивосток, с новыми снимками и видео для патрона. Немного расширив свою карту мира, вернуться на Русский остров в квартиру-кабинет и написать здесь свой третий роман, у подножия которого, собственно, мы сейчас топчемся.

— Смотри, это южносахалинская елка! — сказал водитель.

Слева от нас уходил вдаль песчаный берег и страстно шевелилось море; справа — лиственные и хвойные дере-

вья со скошенными кронами, отвернувшимися от воды. Нескончаемый ветер заставил их расти искривленными, будто застывшими под воем сирены беглецами. От такого вида захватывало дух, как от новой литературной формы.

— Никогда такого не видел. Прекрасно, коллеги! — сказал я. — Правда, люто впечатляет.

— Не елка, а кедр! — поправила организаторша.

— Елка, кедр, — сказал водитель. — Хуелка, хуедр.

— Наверное, мы можем остановиться тут? — спросил я.

— Саша лучший! — сказала она про водителя и вручила мне полотенце.

Побежал к морю, выбрал точку в самом центре пейзажа на белом песке — золотое сечение прибрежной зоны. Начал раздеваться: ветровка, кроссовки, джинсы голодного до впечатлений пилигрима образовали бесформенную кучку. Сентябрьский бриз продувал, но и солнце пекло.

— Если есть на свете рай — это Краснодарский кра-а-ай! — заорал я, скидывая трусы: вишенка на торте из моих тряпок.

— Нерпы! Смотри: нерпы! Они приплыли для тебя! — непосредственная радость организаторши заставила слегка смутиться. — Я тут живу столько лет, никогда их не видела так близко.

— Ну, если козатку не соблазню, так хоть нерпу, — ответил я и побежал в волны.

Несколько раз нырнул с головой, вода оказалась достаточно холодной, чтобы макушку пронзило, как сосулькой. После такого освежающего укола, стоит вылезти на берег, начинаешь непроизвольно смеяться и чувство счастья

переполняет тело вместе с горячими волнами самосогрева. В предвкушении радости волны откидывали назад несколько раз. Легкий испуг: вылезти удалось только на четвереньках. Одна из нерп вынырнула и посмотрела на меня, прощаясь. Скрылась. Я отряхнулся, как пес, вытерся, надел трусы и замер в полном кайфе.

— Курить будешь?¹ — крикнул водитель. Он мерз и сутулился, держа руки в карманах, поглядывал на меня из-за седой бороды.

— В смысле распахмуриться?!

— Ну так?

— Не знаю пока! Может, и буду.

А что я теряю? Я не знал, сколько курить: не смог постичь по внешним признакам. Сидели в машине, глядя на волны через лобовое стекло. Организаторша стояла снаружи, раскинув руки, ловила момент, она была блаженная сама по себе. Играла японская инструментальная музыка. Не только мотивы были японские, название группы и композиции были написаны иероглифами. Я указал на смартфон, закрепленный на панели авто, и спросил:

— Как ты это ввел? У тебя есть японская раскладка?

— Ага, японская раскладка! Это Дизер мне рекомендует. Ты знаешь Дизер? Лучшее качество музыки, я просто в ахуе. Ничего не надо больше.

— Ты из Ростова?

¹ Мы не пропагандируем употребление наркотиков. За незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов предусмотрена уголовная ответственность. — *Здесь и далее примеч. ред.*

— Из Грозного. Но в Ростове жил. А что?

— Говор такой, немного южный.

Я положил руки на панель и уставился перед собой. Пейзаж в окне автомобиля — как песня в секвенсоре. Шевелящаяся на ветру трава — основной рисунок ударных, а песок — украшения, которые барабанщик добавляет раз в два-четыре такта. Голубые волны — как басовая партия, однообразная, но каждый палец давит на струну по-особому, чуть интенсивнее; воздух и облака, соответственно, клавиши и гитарное соло; стая птиц — временами приближающаяся к переднему плану скрипка.

— Смотри, смотри, как живописен мир! — сказал я водителю. — Спасибо. Ты понимаешь? Ты тоже видишь? Мир расслоился на музыкальные инструменты.

— Конечно.

Какое-то время он рассказывал о студенческой юности в Ростове, о том хорошем досуге, для которого важны хорошие продукты и хорошие наушники. Как его знакомый привез в 1980-е из Европы чемодан аудиокассет.

Телефон водителя зазвонил, и музыка прервалась. Он начал говорить про какой-то договор, забытый курьером в офисе. У водителя была своя контора. Потом отключился.

— Работать только теперь неохота, пиздец!

— Зато хочется есть, — сказал я как раз в тот момент, когда организаторша садилась в машину.

— У меня есть для тебя соевое мясо, — сказала она. — А на квартире тофу, папоротник и еще там корейские салаты. Все по-вегану.

— Да, тофу-у, хочу.

— Тофу по-сахалински, — уточнила организаторша.

— Стоять потом будет, дай бог, — добавил водитель.

— Найти бы применение.

— Найдем! — сказала организаторша даже чересчур активно, будто это была ее святая обязанность.

Для нее исполнить мои капризы — дело чести, догадался я.

Пока мы ехали, водитель начал расспрашивать меня про диету, и я немного занервничал. Тысячу раз приходилось вести эти разговоры и каждый раз чуть-чуть напрягаюсь.

— Есть мясо — все равно что быть первобытным варваром, — пытался я говорить полушутя. — Это основа, первый класс. Как можно быть такими дикарями? Считаю, что в каждой столовой должна быть одна постная позиция, в управлении каждой организации обязан быть человек, который не ест мясо и молочные продукты.

— А предки, а традиции? Вот грузинская кухня. То да се.

— Да на хуй бы пошли такие традиции! — резко сказал я, и на какое-то время стало тихо. — Лобио, — добавил куда-то в пустоту.

Оставалось несколько свободных часов до чтений. Квартира была такая же, как сотни съемных халуп, в которых я ночевал в турах и путешествиях. Я помыл ванну и включил воду. Объялся, пока она текла, и сделал себе пену, залив в водопад детское мыло. Погрузился, и стало очень хорошо. Педерастично вытянув ноги, обмазываясь этой пеной — решил. Возвел взор и руки к потолку с искренними словами:

— Бог репа и бог Сахалина. Дайте мне, пожалуйста, хорошие чтения, дайте мне интрижку, дайте мне спокойно и в кайф провести эти дни. Я продолжу делать свою работу, вернее, трудиться, без этого корня — раб. Реп (и литература вообще) останется величайшим ремеслом для меня, а остров Сахалин будет воспет в повести, кото-

рую я напишу. Так или иначе, но в долгу не останусь... — и боги подмигнули мне.

Боги дали все, о чем я просил.

Последние дни отпуска — так я воспринимал время на острове.

Мы с девчонкой сели в маршрутку и приехали в маленький портовый город Корсаков.

— Здесь вроде есть индийское кафе, — сказала она.

— Тогда там может быть ведж-тали. Или хотя бы самосы с овощами.

Мы прошли город насквозь через местный Арбат; оказалось, что индийского кафе больше нет. Искали выход к морю, шли по пыльной дороге, уводящей под гору в никуда. Солнце разогрелось на полную, и мы сняли куртки. Вдоль дороги, как нездоровые зубы, торчали полуразрушенные бараки. У одного из них на детской площадке играли дети. Увидев нас, они замерли, глядя как на инопланетян. Ощущение было, будто я забрел за край карты, куда заходить нельзя. Сценка из фантастического триллера, то ли Кэмерон, то ли «Театр Рэя Брэдбери».

Потом людей совсем не стало, только редкие машины. Мы шли вдоль длинного забора. Воняло тухлой морской капустой.

— Может, нам повернуть назад? — спросил я.

— Думаю, что мы вот-вот выйдем к морю. Не ной.

У меня заболело колено. Идти получалось, лишь явно прихрамывая. Детская травма обострилась после расставания с К., и будет мучить, пока я о ней не забуду, пока не примирюсь. Дни были насыщенными: я отчитал стихи, погулял в ночном парке, потом организаторша неудачно пыталась сосватать мне одну красотку по фамилии Малыш. Вернувшись в съемную квартиру в ту ночь, я воспользовался отметкой в «Инстаграме»¹ — позвал девчонку в гости. Приметил ее на чтениях, когда она спрашивала в кафе, где я читал, есть ли что-то по-вегану в меню. Веганки лучше пахнут, между веганкой и мясоедкой всегда выбирай первую — такое правило. Но я ему не то чтобы следую. Тогда она согласилась приехать, сама пила пиво, а мне привезла острых вкусняшек. Рассказывала и рассказывала о своих путешествиях с театром, а потом я ее поцеловал. В общем, когда я был один, то гулял сам по себе в городе, зажатом между гор и продуваемом морским ветром, или читал рассказы Чивера. Остальное время мы гуляли вместе. В том числе по горам, а также катались на фуникулере.

А теперь оказались на пыльной дороге, конца ей не было, и дорога вела вдоль забора, за которым скрывались какие-то важные стратегические объекты.

¹ Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории России.

Наконец забор закончился, а запах морской гнили усилился. Мы вышли на берег, солнце скрылось за тучами, небо было серое и бескрайнее.

— Вот что это за вонь.

— Морская капуста.

Ее было очень много. Как магнитная лента из миллиарда аудиокассет, кудрявилась по берегу, на сколько хватало глаз. Несколько маленьких, по двое-трое, групп людей гуляли тут, не смущаясь этого запаха. Однако я встал раком, голова закружилась, начались спазмы. Желудок был пуст, поэтому рвотные позывы заканчивались ничем, но остановить их я не мог.

В результате лишь выплюнул немного желчи прямо в зеленые вонючие кудри.

— Ты просто не привык. Так бывает.

Я отошел к стоянке, лег на каком-то бордюре, а девчонка пыталась вызвать такси. Но машины сюда не ехали. Меня совсем размазало.

— Пойдем другой дорогой, так мы срежем.

— А ю шур? — спросил я, пытаюсь собрать воедино двоящееся изображение.

— Да, срежем-срежем. Это я протупила просто. Есть выход отсюда, смотри, — она ткнула мне в рожу недогруженную карту, из которой я не понял ничего.

Мы взобрались на гору, откуда было видно железную дорогу (по которой, однако, не проехало ни одной электрички) и фрагмент моря. Ели оливки, капусту кимчи, а также батончики арахис-финик. Непонятно, каким чудом все это добро оказалось в захолустном магазине. Конечно, с наценкой под сотню процентов, это же остров.

Девчонка была начитанная. Литературная, так сказать, девчонка, и поэтому мы говорили о книгах. Зачем-то она читала даже современную русскую литературу.

— Уже пишешь книгу? — спросила она.

— Почти пишу. Приеду и начну, вроде бы план есть в голове и даже в заметках, — для убедительности указал ей на айфон.

— Это роман? Или рассказы?

— Вроде бы роман. Или поэма в прозе, как посмотреть.

Она задумалась ненадолго, пошевелила носом и прищурилась — такая у нее была фишка, некое деревенское обаяние.

— У тебя есть референс? На что он может быть похож?

— Ну, ты читала мои романы? У меня их два.

— Нет, только рассказы.

— Вот если прочитаешь первый, «Календарь», станет ясно, наверное. Как бы объяснить. Ты читала Бротигана?

— Кажется, про ловлю форели...

— Вот. Меня интересует сейчас не сама эта книга. Просто я лет пятнадцать назад прочитал несколько его романов, и на одном, по-моему, как раз на «Форели», была такая аннотация. Что Бротиган писал не романы, а нечто близкое к ним по форме, но в собственном жанре — бротиганы. Когда я писал «Календарь», подумал, что я как Бротиган — сам в себе, только пишу не бротиганы и уж тем более не заслуживаю назвать жанр собственной фамилией. Но что я пишу календари. Моя цель — прибить к стене какой-то момент, какой-то день, какую-то тему и часть жизни. Может быть, текущее ощущение. Чтобы из жизни можно было извлечь каплю смысла. А иначе, если я это не сделаю, смысла совсем не будет.

Она пожала плечами.

— Об этом писал Бродский в эссе. Что суть поэзии в том, чтобы придать смысл событиям. А ты делаешь это в романе, получается.

— Наверное, писал, не знаю, — настала моя очередь пожимать плечами. — Не очень знаю его, не цепляет. Для меня поэзия — жизнь, чувство, ключ. А проза типа как инструкция. Необходимая документация, чтобы выжить. Но они друг без друга никак, никуда. Вообще считаю, что настоящий роман может написать только поэт, а если человек не поэт, он пишет беллетристику. Романист — это же само по себе хуйня какая-то. Если бог репа не слышит автора, то выходит мазня тупая.

Мы посмотрели на воду, ее внимания хватило секунд на тридцать. Взяла телефон.

— А еще я хочу написать универсальную инструкцию для всех фотоаппаратов. Электрички вообще не ходят тут?

— Ходят, но редко. Две-три в день. Какая центральная тема романа?

— Девственность.

— Ха-ха, ты, кажется, от нее далек.

— Сейчас далек. Но когда вернусь к себе, она снова будет близко. По большому счету я ее и не лишился. Вот я и пытаюсь понять, что должно с мужиком произойти, почему некоторые чувствуют себя мужиками. А че ты не ешь?

— Хочешь мой батончик?

— Давай.

— Вернулся аппетит?

— Морскую капусту я теперь долго не буду есть.

Девчонка скривила веснушчатое лицо:

— Просто не привык.

Я вгляделся в нее, чтобы запомнить.

— Капустка, — сказал и засмеялся.

— Капустка, — кивнула она как-то вбок и со смешком.

Она рассказала немного о себе. Вообще-то, во второй раз, не помнит, наверное, что уже все говорила в первую